

1922

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БУБЕНЦОВ



ИСТОРИИ

Рассказывает народный артист РСФСР, профессор Леонид Федорович МАКАРЬЕВ

Февраль 1922 года в Петрограде. Красное другоею сраню рано накатывается на снежные метели лип, скатывается с облытых крыш в трубы домов и там зажигает огонь не в каминна, а в «буржуйках» дутускодных лампах. Холодно, скрипит под ногами снег. А по Мохдовой улице залотгорные кони шестают! Паря красавцев с алмазными копьями, в за ними мчтся все окрестная ребятня. У Моховой, 35, тогда остановилась. Коней вводит в зал бичицего Тенишевского учителя, и на внимавлето туда все мальчишки и все девочонки. В пальтишках, в валенках, не снимая рукавич, рассказывают они вокруг сцены и становятся первыми зрителями первого спектакля Театра юного зрителя.

Горбушка, знаменитую русскую сказку П. П. Крылова. Дома у ребятшек было и холодно, и несмытно. Но здесь, на сцене, перед ними разгравывалась сказка, и они горевали, радовались и смеялись, как все дети мира, когда им рассказывают сказку. Шумел старинный базар. Красавцы-кони выбывали из-под копыт алмазы. Конек-Горбунок вырвался Иванушке на бед. Зло гибло на гиваске, и торжествовали красота и справедливость.

В двадцатые годы разоренная войной страна была захлестнута детской безграмотностью. Ребята жили в волостоточных люках, голодные бродили повокруг. Страна старалась вернуть им детство. В Петрограде, в Европейской гостинице был создан в то время карантинный распределительный пункт. Здесь было уютно, красиво. Ребенка приводили в детство, в семью. Такая семья (группа ребятшек от трех до шестидесяти лет вокруг педагога) была и у Александра Александровича Выхина, а в прошлом актёра Перредвижного театра. Беспорядочные ребята играли с ним в «Сказку о рыбеке и рыбеце». Они били и черели, а сестры, бровилитой старухой и ропшиной-рыбкой. Бриан

нез волил их в театры. Он наблюдал, как дети воспринимает искусство, что им нужно в нем. В Институте полнотроствработы, где Брианцев преподавал театральное дело, вокруг него группировались энтузиасты детского театра: художник В. И. Бейер, композитор-музыковед П. А. Петров-Воробин, актеры Е. Н. Пашкова-Горлова и Ц. П. Горлова, педагог Н. Н. Вахтин. Решили создавать театр для детей. Брианцев добывал в Наркомпросе у А. В. Луначарского, и Луначарский его поддержал. Денег же было. (Чтобы поехать в Москву, Брианцев продал уникальную книгу). Не было пока ни помещения, ни средств, но уже рождался театр. Его основатель так приглашал будущих сотрудников: «Денег нет, (окончание на 2-й стр.)»

ВОЗВОДИТСЯ ВОЛХОВСТРОЙ ● ШКОЛУ ЛИКБЕЗА
ОКОНЧИЛИ 22 РАБОЧИХ ● III КОНГРЕСС КИМ
ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙН ●
ГУБИСПОЛКОМ УТВЕРДИЛ ПЛАНЫ ДЛЯ РАБОТНИКОВ



1922
ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННОКА



ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТРАНЕ.
Пляшек тоже. Будут трудности. Славы и денег не будет. Если можете не идти — не идите...
Но к нему шли.
(Наш собеседник, Л. Ф. Макарьев к тому времени закончил Университет, преподавал литературу в школе и готовился к профессуре. Вресса все это, стал актером детского театра).
— Работать с Брианцевым было очень интересно. Перед нами стояла задача: учиться у хороших актеров, создавать театральную культуру, театр-ансамбль.
Нас было человек тридцать, и мы начали... леть. Да, мы разучивали хоры, пели-сказки Петровым-Воробинным для Ершовского («Конька-Горбушка»).

особую сцену. Она соединила в себе античную оркестру, шестипроцентную эстраду выдвинутой в зал, и средневековую яркую сцену — все лучшее в театрах разных веков мы хотели звать в свой детский театр! Сцена-коробка нами категорически отпиривалась: наши будущие герои появлялись сразу прямо в зрительном зале, вовлекая ребят в представление, заставляя жить в нем.
Был выработан внутренний устав ТЮЗа. Все актеры уравнивались в правах — сегодня я играю главную роль, завтра полюблю на выходе...
Актер ТЮЗа должен быть педагогом, считали мы, а это значит — человеком соврешенной душевной чистоты. Зритель должен быть уверен в том, что я, играющий положительную роль, и сам хороший, честный человек. Роль же отрицательную (а мне это выдало часто) надо

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БУБЕНЦОВ

сыграть так, чтобы актер, слово прокурор, сулка изображалом им зло. Такая у нас была морально-творческая программа. И нас это очень увлекало.
Вот протокол одного из наших первых в 1922 году совещаний: «Слушали: об основных условиях работы каждого сотрудника театра. Повестовали: а) — считать ТЮЗ своей основной деятельностью; б) не связывать интенсивность своей работы с вы платой жалаования и пайка... Мы не получали около трех лет зарплату, читались кое-как, подрабатывали в других местах. Денег от спектаклей отдавали на декорации, актрисы шили костюмы сами.
Мы были люди разного уровня культуры, и обязательства для всех стали студийными занятиями. Слушали, лекции по истории театра, занимались акробатикой, ритмикой, пластикой, музыкальной речью. Все актеры пели, танцевали, если по ходу пьесы надо было играть на инструменте — актер должен был научиться играть.
Репертуар для детских театров не было. И Брианцев сказал: «Будем играть восточную классику. Будем инсценировать сами». Так, уже в 1922 году, в самом начале ТЮЗа, мы сзавамкнулись на высокую классику и всемирную золотую детскую библиотеку.
Но что же такое — юный зритель, для которого мы готовили все свои труды? Надо его хорошо звать, чтобы при-

носить ему пользу, формировать его личность. Надо звать его запросы, снму по-принятия. Оказалось, что зрительское наш — совсем особый! Вот я играл белого офицера и угрожаю сыну красного командира: «Говори, где отец, или сейчас тебя расстреляю!» Целью я него. А из зала крики: «Мы не боимся, не боимся, пистолет-то не настоящий!» Такую требованье детства к театру: чтобы было все так, как в жизни, и в то же время — и пайка, чтоб было непохоже на будни.
Налю так играть, чтобы ребята поверили в чудо.
В ТЮЗе была создана педагогическая часть — впервые в истории театра. Не капельничеры, а педагоги с высшим образованием встречали ребят, наблюдали их творческие. Арсений Дмитриевич Авдеев создал первую систему учета зрительских репций. По его диаграммам мы видели: интересно ребятам или нет.
Впервые детский театр разделил свой репертуар в расчете на возраст ребят. В сущности, у нас было три театра. Мы стали драматургами, потому что не было советских детских пьес, а мы не могли ждать — мы должны были растить новое поколение. Тут-то громадную роль сыграла находка «Травести» — творческие актысы с большим интересом играли мальчишек, играли так, что в них верили идионы весьма прозрачные артисты. Они не

ТЮЗе, они вышуквали свои спектакли, большие, они же журились на сцену. (Я до сих пор встречаю прекрасных тизовских делегатов. Где-то на повороченных дорогах меня остановил генерал-майор: «Здравствуйте, Леонид Федорович! Вот Берлин штурмовал, а вы все время штурмовали наш империализм!»)
А вот еще проблема не решившаяся перед нами: как играть детей? Мы создали первые сценические спектакли — акробас-мальчишки, травестицы. Нам нужно было показать образованным ребятишкам детство, работу страны о детях, рассказать о том, как могут жить и развиваться в нашей советской жизни ребята. «Сколько героических образов ровесников увидели артисты ТЮЗа! Мне удалось написать первую советскую пьесу о детях, юной героине — «Тымошкина рудники». Евгений Шварц создал для нашего театра пьесу «Универсуд», где в ярком детективном сюжете действовали пионеры. Пьесы и инсценировки делались многие сотрудниками театра: В. В. Зор, Д. С. Любимовской, П. П. Горлова. Мы стали драматургами, потому что не было советских детских пьес, а мы не могли ждать — мы должны были растить новое поколение. Тут-то громадную роль сыграла находка «Травести» — творческие актысы с большим интересом играли мальчишек, играли так, что в них верили идионы весьма прозрачные артисты. Они не

морились спектаклем «Эра, девчонки», ну там вытывалась раская в сестричках! ТЮЗе появилась блестящая группа артистов: К. Н. Луначарова, Е. Н. Воробин, А. А. Охридский, С. Волкова, Е. А. Уварова, бывшие артисты, дети, спасенные революцией, воспитанные в детской художественной студии.
Да, мы не только спектакли поигрывали, но в бытию проблемы разрабатывали. Мы знали: театр для детей должен быть театром большого искусства. Это глубоко педагогическое искусство для детей должно быть ярким, демократичным, глубоким философски и подлинно талантливым театром.
И о дне премьеры: «О, конечно, помню! — говорит Леонид Федорович. — Меня даже сейчас волнует все это. Мы играли первый спектакль в 12 часов дня. И вдруг погас свет. И мы открыли окна и играли». «Эта комната полна книг и фотографии. Если прислушаться к радио, другой и далее, должна отозваться в памяти детской мечтой, речевыми смехом. Пятьсот миллионов бубенцов в доме сквончиков...»